

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Как и В. И. Козлов, считаю нужным откликнуться на статью И. С. Кона («Этнографическое обозрение», 1993, № 1). В ней И. С. Кон полемизирует со мной, отвергая отрицательную оценку деятельности Ю. В. Бромлея. При этом И. С. Кон избавил себя от труда внимательно прочесть написанное мной. «По мнению В. Н. Басилова, — заявляет он, — Ю. В. Бромлей, расширив рамки предмета этнографии, по сути разрушил эту науку. Я с этим категорически не согласен» (с. 5). Однако в моей статье было совсем другое. Я утверждал, что Ю. В. Бромлей *сузил* предмет этнографии, отняв у нее задачу исследования современности (ЭО, 1992, № 4, с. 8). У отечественной этнографии, писал я, в ходе экспериментов Ю. В. Бромлея «отнимались и предмет исследования, и молодые кадры, и жизненное пространство» (с. 9).

В статье И. С. Кона пристрастно, а потому искаженно представлен один из эпизодов производственной жизни Института этнографии. Речь идет о событии почти десятилетней давности: в серии «Этнографическая библиотека» готовился к изданию сборник работ М. Мид под редакцией и с предисловием И. С. Кона. В те годы я состоял в редколлегии «Этнографической библиотеки»; я ознакомился с предисловием и с отобранными для публикации текстами и написал отзыв, содержащий ряд критических замечаний. И. С. Кон пытается выдать эти замечания за своего рода идеологическое давление. Он пишет: «Люди обвиняют главным образом других — партанпарат, цензоров, редакторов, только не себя. А ведь и цензорами, и давятелями, как и жертвами, были в первую очередь мы сами. Наша память очень избирательна. Я искренне сочувствую молодому В. Н. Басилову, статью которого хорезжил редактор. Но у меня и в редакции „Этнографической библиотеки“ сохранился отзыв В. Н. Басилова на сборник трудов Маргарет Мид, отзыв, который своей охранительностью поверг в крайнее удивление весь ленинградский сектор общих проблем. Мы читали его вслух» (с. 6). И. С. Кон извещает читателя, что сохраняет отзыв, т. е., надо понимать, имеет на руках компрометирующий материал. Призываю, что хранил копию отзыва и я, жалея выбросить документ, напоминавший мне о проделанной работе. Так как читатель с отзывом не знаком, я приведу его здесь. Думаю, что мои замечания, касающиеся творчества М. Мид и сегодня не лишены интереса; кроме того, отзыв дает некоторое представление о сложившемся в нашей науке стиле работы с рукописями. Вот этот отзыв:

Предполагаемое издание работ М. Мид следует приветствовать. М. Мид — яркий, интересный, широко известный исследователь. Но в то же время работы М. Мид резко отличаются от стереотипа научной традиции в нашей стране. Это требует большой осторожности при подготовке ее произведений к печати на русском языке. Надо суметь подготовить читателя к спокойной правильной оценке ее творчества. Надо объяснить, чем полезны ее работы для нас. Надо показать, что мы не закрываем глаза на ее недостатки и предостерегаем читателя, чтобы и он отнесся к творчеству М. Мид с должной осторожностью, критически. Эту задачу должна выполнить вступительная статья.

Представляется, что вступительная статья И. С. Кона «Маргарет Мид и этнография детства» еще не вполне соответствует указанной задаче. Она написана несколько поспешно, при этом хвалебный тон преобладает над критическим анализом творчества М. Мид. А более глубокий критический анализ необходим. Читатель с интересом прочтет ее работы. Но он сумеет увидеть полное отсутствие исторического подхода. Он увидит очень поверхностное знакомство М. Мид с экономикой и социальной структурой. Ему нетрудно будет понять, что рассмотрение форм социального (полового) поведения идет на очень скудном фоне особенностей воспитания и повседневного образа жизни. Он не согласится с утверждением М. Мид, что стабильность культуры зависит от того, сумеют ли ее приспособить к свойствам своей личности последующие поколения. Во введении все должно быть поставлено на свои места.

Следует умерить восторга по отношению к М. Мид. «Она никогда не занималась частными, второстепенными сюжетами», — читаем на стр. 1. Эту фразу лучше убрать. Здесь как взглянуть. В работах М. Мид наш читатель многое может причислить к второстепенным сюжетам. «Чрезвычайно талантливо», — читаем о ней на следующей странице. Достаточно одного «талантливо», это уже очень высокая оценка. Не бог весть какой научный вклад сделала М. Мид, разграничив понятия «социализации» и «инкультурации» (стр. 3). Лучше это убрать.

Есть смысл пожурить М. Мид за терминологические неточности. Во «Взрослении на Самоа» она пишет: «В религии они могут быть католиками, протестантами..., атеистами...» (с. 232). Возможно,

* Письма, поступающие в редакцию, не редактируются.

впрочем, что виноват и переводчик, надо сверить с оригиналом. На стр. 142 она говорит о «индоевропейской культуре», но из контекста ясно, что имеется в виду западноевропейская культура, а не совокупность культур от Европы до Индии. Все эти терминологические вольности надо отметить, чтобы бдительный читатель не предъявлял претензий к издателям.

Серьезного критического комментария требуют описания форм половой жизни в работах М. Мид. Такого рода описания пока еще непривычны для нашей публики, в особенности для зрелых поколений, к которым книга попадет прежде всего. Если не подготовить читателя, объяснив ему, чем интересен этот материал, возможны бурные протесты, чреватые скандалом. Значит, надо найти слова, раскрывающие научную значимость данного материала. Но лучше всего в связи с этим порассуждать о странном пристрастии буржуазной науки к сексуальным темам, о непреодоленном еще влиянии З. Фрейда, видевшего вокруг себя только одни проявления секса. Здесь есть прекрасная возможность показать дамский идеализм М. Мид, которая полагала, что терпимость к разным формам сексуальной активности оздоривит общество (с. 254). В Америке сегодняшнего дня сбывается ее мечта: развитие порнографической индустрии расширило сексуальный кругозор обывателя, и дети рано узнают о богатых возможностях половой жизни. Но стал ли американец счастливее? Уменьшилось ли число неврозов и семейных конфликтов? Рассуждения М. Мид о пользе либерализации секса — типичный пример ограниченности буржуазного исследователя, который близок к правильному выводу, но все же не делает его: психическая жизнь человека, тесно связанная с его половой жизнью, зависит не столько от принятых норм полового поведения, сколько от характера всего общества в целом. Разнообразие половых стандартов не решит глубоких социальных проблем, осложняющих жизнь молодежи в современных капиталистических странах.

Во «Взрослении на Самоа» заглавие «Принятые формы сексуальных отношений» лучше смягчить, даже если и получится некоторое насилие над смыслом оригинала. «Принятые формы отношений между полами» звучит спокойнее.

Особого рассмотрения заслуживает во Введении критика М. Мид, исходящая от Фримэна. Стоит ли писать об «откровенно враждебном» отношении Фримэна к Мид? Это очень эмоциональная оценка, она ко многому обязывает. Быть может, за враждебность принят категорический и резкий тон в критическом разборе произведений М. Мид? В любом случае это выражение лучше смягчить.

Критика Фримэна совершенно убийственна даже в кратком и вежливом изложении И. С. Кона. Каждому, кто прочел хотя бы несколько книг об Океании, упреки Фримэна, адресованные М. Мид, будут импонировать. Но справедливы ли они? Не преувеличивает ли Фримэн? Действительно ли полны искажений работы М. Мид? Не ответить на эти вопросы нельзя. И хотя И. С. Кон — не специалист по Океании, какой-то выход ему надо найти, хотя бы обратиться к анализу внутренних противоречий в самом тексте М. Мид. Невооруженным глазом видно пристрастие американки к широким и уверенным обобщениям.

Но И. С. Кон не определил своей позиции. Вместо того чтобы четко и кратко сказать, в чем Фримэн прав, он ограничился сообщением, что «научная общественность США в целом отнеслась к его общим выводам критически». А это не проясняет сути дела. Почему американцы вступились за М. Мид? Опять-таки читателю нужны аргументы, потому что у оппозиции Фримэну может быть откровенно эмоциональная причина. Фримэн разрушал привычный авторитет, посягала на обожаемый идеал, подвергал сомнению ряд устоявшихся истин. Мы знаем, что М. Мид оказала немалое влияние на своих коллег, и среди ругателей Фримэна наверняка были люди, сформировавшиеся под влиянием ее идей.

Нежелание определить свою позицию по отношению к критике Фримэна И. С. Кон как бы обосновывает утверждением, что на чисто фактическом уровне спор между Фримэном и Мид вообще неразрешим. Но это утверждение, мягко говоря, уязвимо. Ссылка на интервал во времени здесь неправомерна, потому что Фримэн говорит о принципиальных особенностях традиционной культуры самоанцев — об особенностях, не зависевших от степени вестернизации и христианизации. А довод, что «ученые опирались на разные источники», звучит просто наивно. В этнографии сплошь и рядом ученые опираются на разные источники, на разные группы информаторов, но это не искажает явление, а лишь представляет его с разных сторон. Сообщения информаторов-мужчин о характере своего общества не могут находиться в серьезном противоречии с рассказами информаторов-женщин. Здесь будет лишь разные акценты. Поэтому и спор между Фримэном и Мид разрешим и как раз на чисто фактическом уровне. И общие выводы Мид, как и всякого другого исследователя, вполне поддаются проверке.

И. С. Кон сочувственно цитирует ироническое замечание Дж. Маркуса, обращенное против Фримэна: «Критика в адрес Мид основывается на притязании, что свою полевую работу он (Фримэн) делает лучше, чем она». И далее идут уже слова И. С. Кона: «Но фактически Фримэн, как и Мид, в значительной мере опирается на свои личные впечатления и опыт общения с самоанцами». Это — очень неудачное место, слабость которого ощутит каждый этнограф. «Притязания», что тот или иной специалист знает материал хуже (и значит, работает в поле хуже), чем я, обычны и нормальны для споров между этнографами. И, как правило, тот, кто знает материал лучше, умеет обоснованно доказать свою правоту. Какой же грех в том, что Фримэн опирается на свои личные впечатления? На личных впечатлениях стоит вся этнография. Это достаточно точный и достоверный источник — во многих случаях намного более достоверный, чем анкетный опрос.

Вот почему совершенно неприемлема следующая фраза И. С. Кона. После замечания, что Фримэн опирается на личные впечатления, он пишет: «А спорить о субъективных впечатлениях так же трудно, как и абстрагироваться от них». Здесь явное, и не на пользу дела, смешение понятий «личное впечатление» и «субъективное впечатление». Было бы излишним здесь доказывать, что личные впечатления, при неизбежной доле субъективности в их оценке, могут быть и, как правило, являются весьма солидным источником (и не только в этнографии). И спор между учеными на основе их личных впечатлений — давняя научная традиция, неправомочность которой вряд ли удастся доказать.

Итак, критика Мид, предпринятая Фримэнном, нуждается в более глубоком комментарии.

Еще одно замечание. Вступительная статья написана легко, просто и живо и в целом доступна широкому читателю. Хотелось бы, чтобы автор выдержал без отклонений этот достойный подражания ясный стиль популярного очерка. Но в ряде работ, к сожалению, проступает не оправданная существом дела «научообразность», без которой вполне можно (и нужно) обойтись. Примеры:

стр. 8: «Научная парадигма меняется». «Постулирующий»;

стр. 15 (и в других местах): «Маскулинность и фемининность»;

стр. 18: «Девиантное поведение». Все это без ущерба для смысла можно выразить и средствами русского языка;

на стр. 16 непонятен нижний абзац, продолжающийся и на стр. 17. Следует все изложить проще.

Теперь несколько слов о качестве перевода самих текстов М. Мид. Перевод нуждается в шлифовке, в более внимательной сверке его с оригиналом. Остается устойчивое впечатление, что переводчик тяготел к дословному переводу, стараясь быть ближе к самой конструкции фразы. Из-за этого в ряде мест сохранились звучание по-русски тяжеловесно фразы и словосочетания. Эти неуклюжие фразы нехороши тем, что они принципиально нарушают стиль легкого и ясного, почти беллетристического повествования, свойственного М. Мид. Передавая смысл оригинала, они убивают его дух... [Приведены примеры].

Далее, переводчик допустил в русский текст немало англицизмов «научообразного» звучания. Эти слова, понятно, имеются в оригинале, но в английском языке они звучат достаточно обиходно, и их употребление американской исследовательницей не разрушало тот рассчитанный на широкую публику стиль изложения, который она пропагандировала. А в русском языке все эти слова — чужаки, и они звучат как замысловатая «научообразная» терминология. Опять-таки нарушается литературный стиль, дух оригинала». [Следуют примеры].

Полагаю, что И. С. Кон получил отзыв благожелательный, конструктивный, полезный. В нем конкретно и аргументированно указано, что следует устранить, что — исправить. Цель отзыва — помочь автору, а не закрыть ему путь. За такой отзыв в нашей среде принято благодарить, а не таить годами обиду. Мне нечего в нем стыдиться, даже слова «буржуазный», которое сегодня вновь обретает для нас ясное содержание, затуманенное было в советский период. Этот отзыв можно, вслед за И. С. Коном, назвать «охранительным», но направлен он на охранение не идеологических стереотипов, а должного научного уровня его же собственной публикации.

Однако И. С. Кону хочется представить меня, как и В. И. Козлова, таким стражем официальной идеологии, гонителем нового и передового. Подобно В. И. Козлову, я вижу причину этого стремления в ощущении неудобства, которое И. С. Кон должен испытывать сегодня как автор книги «Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли» (М., 1959). И. С. Кону неуютно оставаться в одиночестве, и он хочет создать себе компанию («...мы все не черные, не красные и не белые...»). Но для такой компании подходит не каждый. «Мы» все-таки разные. Как известно, советский период был сложным, трудным, в ряде случаев губительным для науки. Тем не менее отечественная наука (в отличие от нынешнего периода) развивалась и достигла определенных успехов, так как ученые в подавляющем большинстве работали, занимались профессиональным делом. Конечно, Система заставляла специалистов соблюдать своего рода «правила игры». Но, чтобы написать книгу, клеймящую буржуазную науку, требовалась особая личная склонность.

В. Н. Басилов